

Пушной В.

Накаленный воздух

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
П91

П91 **Пушной В.**
Накаленный воздух / Пушной В. – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2019. – 552 с.

ISBN 978-5-00025-178-2

Когда среди людей появляется архидемон Прондопул, посланец Властелина Игалуса, тогда все вокруг непредсказуемо. Он искажает настоящее и разрушает связи с прошлым и будущим. Борьба с ним очень опасна, но не безуспешна, если человек не отступает.

ISBN 978-5-00025-178-2

© Lennex Corp, 2019
© Пушной В., 2019

Валерий Пушной

НАКАЛЕННЫЙ ВОЗДУХ

Скифия
Санкт-Петербург
2019

ББК 84 (2Рос=Рус)

УДК 882

П91

Валерий Пушной

НАКАЛЕННЫЙ ВОЗДУХ

Пушной В.

П91 Накаленный воздух. — СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2019. — 552 с.

Когда среди людей появляется архидемон Прондопул, посланец Властелина Игалуса, тогда все вокруг непредсказуемо. Он искажает настоящее и разрушает связи с прошлым и будущим. Борьба с ним очень опасна, но не безуспешна, если человек не отступает.

ISBN 978-5-00025-178-2

© Пушной В., 2019

© Оформление. ООО «ИТД «Скифия»», 2019

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
АМНЕЗИЯ

Глава первая

Человек на горе

Стоял июль. Все шло, как и должно идти. Земля жила обычной жизнью. Где-то прокатывались землетрясения, оживали вулканы, проносились наводнения, а где-то стояла тишь и благодать.

Западные ветры тащили из Атлантики жару, погружали в нее европейские города и страны. В Иерусалиме палило солнце. Рим поглощал свои порции. Раскаленный воздух приближался к Центральной России. Москва, до того купавшаяся в дождях, погружалась в удушающий зной.

В двухстах километрах южнее Москвы летняя ночь лениво обволокла землю влажной прилипчивой духотой. Развесила на деревьях и кустах паутину сна, швырнула на поля, разбросала по дорогам.

Город похрапывал, ворочаясь с боку на бок.

Дальние деревушки скукожились, приутихли в темных уголках ночи. Пригородные деревни вздрагивали от шума автомобилей, выпячивались домиками, выхваченными светом фар.

Автомобиль разорвал в клочья темноту и на полном ходу свернул с автомагистрали. Боковые стекла у машины приспущены. В салоне двое: водитель и пассажир. В легких рубашках с короткими рукавами. Темные, невеселые, мрачноватые лица. Поток воздуха трепал им волосы.

Лопухий пассажир заскорюзлыми пальцами с обкусанными ногтями прижимал жиденький чубчик к низкому морщинистому лбу. Нервозно возился, часто моргал маленькими глазками, сопел, картавил и таращился сквозь лобовое стекло.

Длинноносый водитель был сосредоточен и малоподвижен. Крючковатые руки на руле. Взгляд цеплялся за полотно дороги, несущееся под колеса машине. Стиснутые тонкие губы иногда слегка раскрывались, выпускали глухие звуки, затем снова сжимались.

Свет фар показал поворот, глубокий кювет и высокие черные деревья по сторонам.

Водитель резко ударил по педали тормоза. Пассажира мешком бросило вперед на черную панель. Он хрюкнул, щелкнул редкими зубами и матюгнулся. Машина остановилась: мотор заглох, фары погасли. Двое присмотрелись к темноте.

Водитель распахнул дверцу, выбрался наружу, прислушался, по-звериному принюхался. Был он плотного сложения, с покатою спиной, большой головой с круглым затылком. Через минуту рядом возник пассажир, излишне тощий и долговязый. Открыли багажник. Взгляды впились в скорченное человеческое тело. Лопухий толкнул его, сглотнул слюну и окончания слов:

— Глянь, Блохин, наш клиент случаем не загнулся?

— Заткнись, Саранчаев! — глухо рыкнул водитель и вяло распорядился: — Вытягивай!

Саранчаев кашлянул в кулак и зажевал губами:

— А может, его того, тюкнуть по темечку на всякий случай?

— Бери, а то я тебя самого по мурлу тюкну! — резко прервал Блохин.

Тело извлекли из багажника, торопливо подтащили к обочине, качнули пару раз и бросили в кювет.

Саранчаев смачно хрюкнул, обтер о штаны руки и с сожалением обронил:

— А все-таки надо было тюкнуть, чтоб концы в воду.

В тот же миг внезапно по нему хлестко прошелся свистящий ветер. Вдруг обрушился ледяной стужей, проникая под легкие одежды. Подкинул в воздух и грохнул о землю. Стынь обожгла Саранчаева, свела ему скулы, вымораживая дыхание.

Блохин едва успел захлопнуть багажник, как его тоже сбilo с ног. Сдуло, как пушинку, с дороги. Закрутило, скрючило, кувыркая по кювету. Неожиданная стужа пронизала до костей.

Непроницаемая тьма окутала все. Небо перевернулось, представ великой бездной. Из ее глубин неся странный звук, выворачивал наизнанку, придавливал к обледеневшей земле. Мороз сковал тела.

Большой рот Саранчаева перекосило. Длинный нос Блохина заострился, как сосулька, толстые губы побелели. Мозг перестал осмысливать происходящее.

Но вдруг завывание ветра умерло. Внезапно оглоушили раскаты грома, и яркая огненная молния надвое расколола небосклон. Ударила в землю рядом с машиной. Бездонная тьма отступила, открыла ночное небо, дорогу, овраг, деревья.

В лица людей пахнуло прежней духотой.

Закоченевшие Блохин и Саранчаев с трудом разогнули промерзшие суставы. Зашевелились, жадно глотая духоту и медленно согреваясь. Затем подхватились с земли и кинулись к машине. Молча Блохин повернул ключ зажигания. Не включал фары, ощущая необъяснимый страх. Щурился, уткнувшись в лобовое стекло, сильно жал на газ. Хотел скорее унести ноги с этого жуткого места.

Но жуткое место не отпускало: машина не двигалась, хотя мотор ревел на последнем издыхании. Ветер свистел за опущенными стеклами.

— Что это? — Зубы Саранчаева в испуге выбили дробь.

— Всего только зимняя выюга, — раздалось у его правого уха. Голос как бы прошелся по ребрам.

Лопухий вздрогнул. Рывком повернулся вправо. Увидел снаружи рядом с дверцей машины темный мужской силуэт. Удивился, что в темноте хорошо различил не улыбочное лицо, сковывающий взгляд, костюм и галстук-бабочку. Оторопь парализовала. Не успел подумать, как губы промямлили:

— Этого не может быть.

— Ты полагаешь, тебе известно, что может быть, а чего не может быть? — Голос придавил к сидению. — Думаешь, знаешь, когда и кого надо тюкнуть по темечку?

Саранчаев мгновенно вспотел. Губы неожиданного собеседника не шевелились, а его голос неотступно ввинчивался в уши и сжимал до судорог мозг. Саранчаев точно сидел на раскаленной сковороде, и задница жарилась, как свиные шкварки. Отяжелевший язык едва повернулся во рту:

— Ты кто, откуда взялся? Никого же не было.

— Полагаешь, что меня здесь нет? — собеседник за дверцей чуть отодвинулся в темноту.

Лопоухий вылупил глаза, не зная, что ответить.

— Впрочем, так оно и есть, — разнеслось снаружи, и тьма поглотила странного прохожего.

Саранчаев лихорадочно взгляделся в ночь, не понимая, куда тот исчез. Кинул взгляд на Блохина, чувствуя, как тело продолжает плавиться на раскаленной сковородке, прохрипел:

— Гони!

Блохин щелкнул зубами и с новой силой надавил на педаль.

Машину как будто подхватило ветром и понесло по дороге.

Ресторатор Петр Пантарчук в это утро неохотно выбрался из постели. Легкости не было, давило предчувствие опасности, хоть откладывая командировку. Сунул голову под холодный душ, но лучше не стало. Руки не попадали в рукава белой рубашки, ноги запутались в штанинах светло-коричневых брюк. Не сразу нашел черную папку с бумагами.

Жена Екатерина проводила до двери. Тонкая, с красивым носиком и зелеными глазами, в коротком халатике. Подставила губы для поцелуя. На ее фоне крупный Петр с рельефным лицом казался грубоватым и неповоротливым.

Он вышел из подъезда. Утреннее солнце ослепило. Прищурился. И раздраженно поморщился. Душа словно сдавлена тяжелыми валунами и никак не может вырваться на волю. Приостановился, прежде чем сесть во внедорожник. Потом тупо примял заднее сидение, прижался затылком к подголовнику.

Машина нырнула за угол в дорожный поток и понеслась как по течению. Пантарчук прикрыл глаза. Водитель с круглыми глазами прибавил скорость.

Выехали за город. Быстро пронеслись три десятка километров. Свернули на узкую примыкающую дорогу. Длинные прохладные тени от придорожных деревьев скользили по кузову автомобиля и падали с багажника на асфальт.

Крутой поворот повел влево. И тут на середине дороги перед авто возник человек. Водитель рванул руль вправо, тормозные колодки вцепились в диски, резина запищала по асфальту. Машину боком протащило вдоль обочины и выкинуло в кювет. Метров десять швыряло по ухабам, пока ствол дерева не принял на себя удар радиатора. Капот горбом собрался над мотором, зашипел и потек антифриз.

Пантарчука подбросило, ударило головой о потолок. На мгновение он отключился, обмяк. Затем горячее состояние подхватило, толкнуло к двери, пальцы нащупали ручку. И Петр тяжело вывалился в траву.

Следом из своих дверей на две стороны выкарабкались водитель и охранник с короткой стрижкой и толстыми щеками. Круглые глаза водителя шарили по дороге в поисках человека, но не находили. Того будто корова языком слизнула. Кипя от злости, плюясь и рыча, водитель двинулся к асфальту. Человек распластался лицом вниз в высокой траве, метрах в трех от полотна дороги. У водителя екнуло в груди. Нагнулся:

— Эй, ты живой?

Светлая, с коротким рукавом рубашка, светлые брюки и светлые туфли пятнились сочной зеленью травы. Крови не было. Раздалось бормотание.

Водитель толкнул его:

— Пьяный, что ли? С утра пораньше надрался! Вот гад! Чуть на тот свет не отправил всех. Натворил дел. На кругленькие бабки повеселился сегодня. За машину платить придется, чучело. Подымайся!

Человек попытался привстать, не получилось. Водитель сплюнул:

— Вот пьянь, надрался как свинья. Откуда тебя принесло, идиота?

Отметил про себя: одежда на незнакомце недешевая, сам чисто выбрит, и руки не работяги. На вид лет тридцать с небольшим, худощав, хорошо сложен. Помог ему подняться, направил к дороге.

Пантарчук в это время с охранником выбрался из кювета. На лице ссадина. На брюках колючки от лопухов. На обочине широко расставил ноги, наблюдая за незнакомцем.

— Вот, Петр Петрович, едва стоит, субчик, — брезгливо пояснил водитель, — наклюкался по рани, или с глубокого опохмела! Козел. Хоть и приличный с виду, но пьянь, видать, еще та, — помялся, побряхтел и неуверенно заметил. — А водкой вроде не разит, может, нанюхался какой-нибудь дряни или наширлся. — Проверил локтевой сгиб, повел рыжеватой головой. — Чисто.

У незнакомца были тонкие черты лица, прямой нос, серые глаза. Прическа с пробором на левой стороне. Он тыркался по сторонам, не понимая, что происходит.

Петр спросил у него имя. Человек оторопело забегал глазами, затоптался на месте.

— Чего топчешься, как конь в стойле? — Водитель дернул человека за рукав. — Заклинило, что ли? Соображай быстрее, хорек придорожный! Нечего идиота корчить.

Брови незнакомца сошлись у переносицы, взгляд напряженно остановился на одной точке, зубы скрипнули. Он растерялся:

— Не знаю. Не помню.

Водитель дернулся от возмущения:

— Не ломай Ваньку, фрукт, а то врежу по шее, чтоб вспомнил!

Незнакомец потер пальцами сморщенный лоб, пожал плечами и нерешительно сделал следующий выдох:

— Магдалина.

Обескуражил всех. Недоумение пробежало по лицам.

Водитель отступил, охранник насмешливо крикнул за спиной Пантарчука. Петр насушился, разговор с незнакомцем не получался. Похоже, крутит динамо парень, чтобы не отвечать за аварию.

Тот между тем сдавил руками затылок и замычал, как от головной боли. Пантарчук отвернулся, достал телефон и позво-

нил в свой офис. Потом — в ГИБДД. Незнакомец больше не интересовал его. Солнце пригревало, тени от деревьев укорачивались и медленно начинали сползать с асфальта, краями цепляясь за мелкие трещины. Петр хмуро прохаживался по кромке асфальта. Мысль о командировке пришлось оставить, хотя из офиса уже ехала другая машина.

Скоро подкатили гаишники. Водитель Пантарчука, жестикулируя руками, рассказал о происшествии. Осмотрели дорогу и автомобиль, подошли к виновнику аварии. Тот сиротливо маячил на обочине, неуклюже топтался, под подошвами обуви тихо шуршал свеженасыпанный щебень. Водитель ткнул пальцем:

— Вот потолкуйте с этим мозгокрутом. Сперва чуть под колеса не сунулся, а теперь кино крутит, туман наводит: ничего не помнит, ничего не знает. Гад. Ну хотя бы башкой саданулся, а то ведь гладенький, как баранка.

Старший по званию, с выпирающим брюшком, попросил у него паспорт. Человек безропотно закивал и вывернул карманы. Посмотрел виновато, бесхитростно нелепо улыбнулся:

— Нету. Почему-то нету. Не знаю.

— Во! А я что говорил? — воскликнул водитель. — Незнайка. Дурака включает, козел.

Полчаса полицейские бились, пытаясь выяснить, кто он, откуда и как зовут, но ни на один вопрос так и не получили ответа. Лишь дважды он бессвязно повторил имя Магдалина. В конце концов старший по званию повернулся к водителю:

— Здесь сам черт не разберет. Надо показать его врачам, может, память отшибло. Хотя по внешнему виду не скажешь, что его сбила машина. Но я не доктор, чтобы определять. Могу вызвать «Скорую», или сами подбросьте его до больницы. Ну, что скажешь?

Водитель сплюнул, ругнулся и вопросительно глянул на Петра. Спросил. Пантарчук стоял у машины, подъехавшей с фирмы, согласно кивнул.

— Доставим, черт с ним. Пиши бумаги, командир, — сказал водитель полицейскому. — Он теперь на вес золота, пока за ремонт не заплатит.